

БРАК И СЕМЬЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Давно ушли в прошлое те времена, когда думали, что в любом вышедшем из стадии варварства обществе люди осмысливали создание супружеской пары единообразно, а возникавшие супружеские ячейки воспринимали как «семьи» в знакомом нам смысле этого понятия. В применении к западноевропейскому средневековью своеобразие восприятия брака и семьи ныне общепризнано, по крайней мере для периода, предшествующего массовой христианизации. Несколько иначе принято в историографии смотреть на последующий этап. Хотя и по отношению к нему признается почти перманентный процесс эволюции супружеской ячейки, самая модель супружества считается обычно отвечающей идеалам моногамного христианского брака. Переломным считается в этом плане XII век, когда церковь включила брак в число основных христианских таинств и когда после многовековой борьбы между светскими и церковными представлениями об идеальном супружестве сложился некий компромиссный вариант, принятый и светской знатью, и простолюдинами.

"Сеньор, женивший сына или выдававший замуж дочь, всегда советовался не только с дальними родственниками, но и с вассалами; феодальное право обязывало его также просить совета и позволения у сюзерена. В то же время сам сюзерен в случае смерти вассала должен был приложить все усилия, чтобы быстро и выгодно выдать замуж его дочь.

Но прежде всего свадьба — это таинство. Оно совершалось путем взаимного обмена клятвами в присутствии священника. В этом отношении светские власти оставляли за Церковью право устанавливать законы. Обычаи также не оказывали здесь никакого влияния, а потому свод законов оставался практически одинаковым на всем Западе. Для Церкви главное условие свадьбы заключалось в согласии обоих супругов. Одобрение родителей считалось необязательным, и теоретически они не могли принуждать своих детей к нежеланному браку. Однако в эпической литературе можно найти множество примеров, когда отец, опекун или сюзерен заставляет молодую девушку против ее воли выйти замуж за богатого и могущественного старика.

Закон о браке

Существовало несколько препятствий для брака: возраст девушки моложе 12 лет, юноши — 14 лет, участие в каком-либо монашеском ордене, а также наличие общих родственников определенной степени родства, обычно до седьмого колена (то есть нельзя иметь общего прадеда у бабушки или дедушки). Впрочем, по последнему пункту допускались некоторые отступления.

Объявление епископом брака недействительным (из-за родства супругов).
Миниатюра XIII в. из рукописи Дигест

На IV Латеранском соборе 1215 г. ограничения на браки сужаются до круга родственников четвертого колена— троюродных дядьев, теток, братьев и сестер — всего 188 человек (или 88 в том же поколении). Параллельно ослабляются санкции за супружескую неверность. «Изменщице» грозит теперь не «отказ» мужа и позорное возвращение в отчий дом, как в IX—X вв. но лишь пост и покаяние. Такое смягчение санкций оборачивается, однако, попыткой превратить брак в нерасторжимый даже в случаях явного прелюбодеяния. Но тем самым церковь молчаливо признает невозможность избавиться от внебрачных связей.

Гейнсборо. «Супружеская пара в парке». Лувр. Париж

С момента своего заключения брак считался нерасторжимым. Развод с женой был запрещен, расторжения брачного союза не существовало вообще.

Единственный способ разорвать семейные узы — аннулировать брак по причине либо бессилия или бесплодия одного из супругов, либо кровного родства, незамеченного при вступлении в брак. Но речь шла не о настоящем разрыве, а о простой констатации того, что нерасторжимый, по сути, брак никогда не существовал.

Еще одним достаточным поводом для аннулирования брака было обнаружение среди предков жены крепостных.

Уличив жену в прелюбодеянии, муж добивается помещения ее в монастырь, а сам освобождается от супружеских уз.

Миниатюра из рукописи Декрета Грациана. XII в.

В определенные периоды года совершение свадебного обряда запрещалось: от сочельника до Богоявления; от первой приговорительной недели перед Великим постом до Пасхи; от понедельника после Вознесения до Пятидесятницы. Венчание чаще всего совершалось по субботам и практически не отличалось от современного. Правда, будущие супруги не имели специального наряда, а надевали свои самые красивые одежды, голову невесты украшала фата или корона. Помолвка и венчание происходили в церковном притворе, где новобрачные обменивались клятвами и кольцами; ни жесты, ни слова не изменились до наших дней. После этого все заходили внутрь храма, чтобы отслужить праздничную мессу. После церемонии в церкви обычай повелевал побывать на кладбище. Потом начинался праздник, длившийся несколько дней как у богатых баронов, так и у простых крестьян.

П. Веронезе. «Брак в Кане». 1563 г.
Лувр. Париж

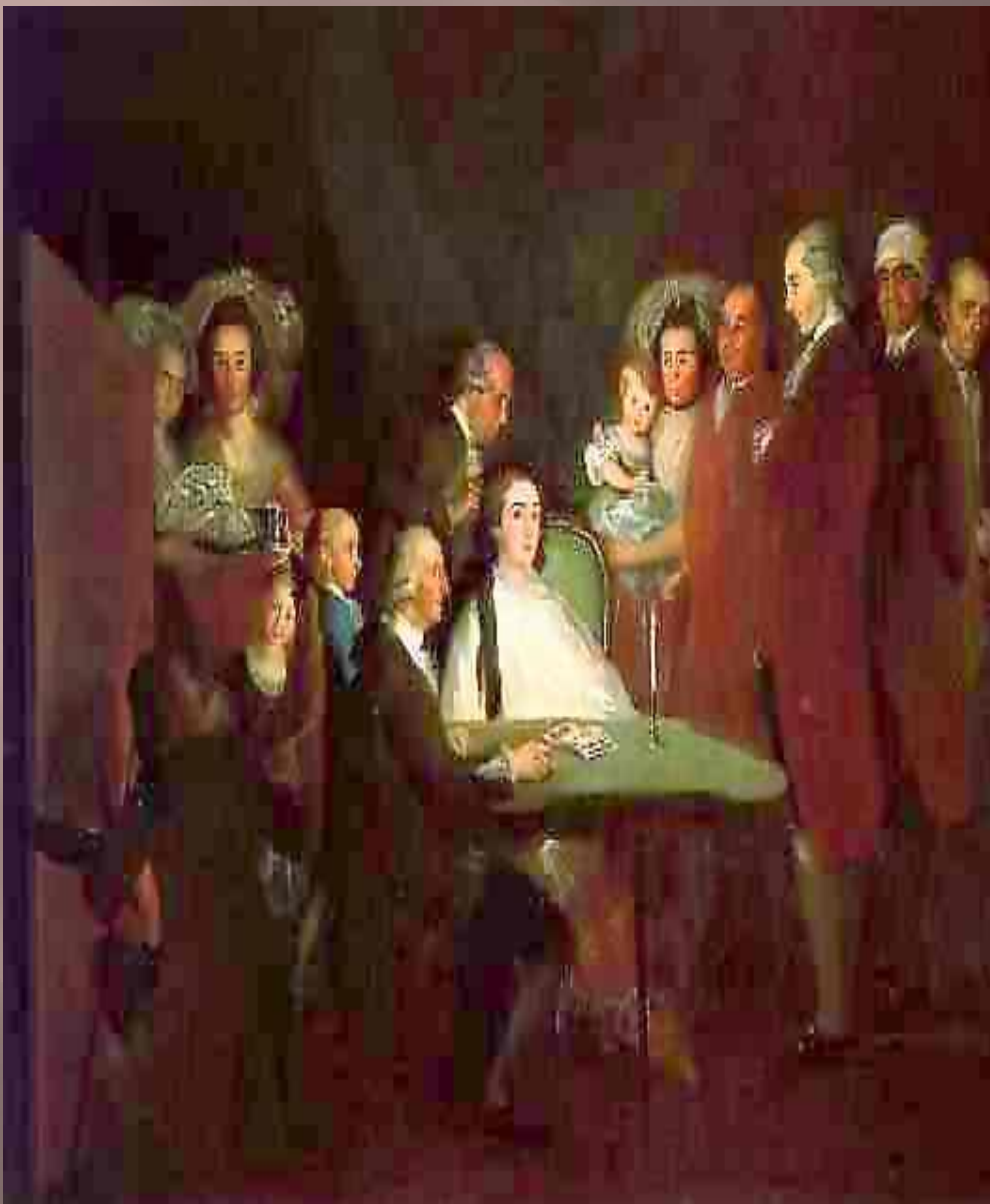
Франциско Хосе де Гойя.
Святое семейство

Во Франции конца XII—XIII вв. наряду с церковными браками бытовали — особенно в среде неженатых — и иные виды супружеских союзов. Их статус и их терминологическое обозначение не были тождественными. В среде рыцарства и знати эти союзы (суаньянтажи), допускаемые светским правом, могли охватывать чуть ли не всю жизнь — от молодости (во время которой они чаще всего возникали) до зрелости или старости (когда, скажем, после смерти «законной жены» к ним вновь возвращались сожительницы). Для клириков такие союзы (конкубинаты) получали правовое признание лишь изредка (преимущественно по отношению к младшим членам клира и лишь до XIII в.)

Самой тяжелой была доля женщины в замужестве, причем, чем ниже находилась женщина на социальной лестнице, тем положение ее было ужаснее. Браки редко заключались по взаимной любви. Чаще это был результат договоренности родителей, опекунов или хозяев. При заключении брака прежде всего в расчет принимались финансовые или территориальные выгоды, которые он мог принести. Если речь шла о крестьянах, то их хозяева женили и выдавали замуж очень рано, поскольку дети крестьян тоже принадлежали хозяину, который был заинтересован в увеличении рабочей силы. У благородных дам было немногим больше шансов на счастливую семейную жизнь.

Женщина в доме была эмоциональным центром семьи. Она заботилась о муже, детях, слугах, обеспечивала мир и согласие во всей семье.

В раннее средневековье доминирующим типом семьи была большая семья, которая включала в себя, наряду с супругами, их родственников — часто несколько поколений. Малая супружеская семья как самостоятельная ячейка, существующая уже в этот период, начинает укрепляться с XIII века. Однако и в это, и в последующие столетия средневековье недостаточно четко отделяло малую семью от большой, от домашней общины. Не случайно при перечислении членов семьи упоминаются не только муж, жена, дети, но и домочадцы — родственники, проживающие в доме, включая незаконных детей, слуги, приживальцы. На XII—XIII века приходится расцвет линьяжа — родственного коллектива на основе кровнородственных связей и брачных союзов, совместного владения собственностью. Линьяж отличали такие черты, как нераздельность земельного надела и семейное самосознание.

Семья инфанта Дон Луис де Бурбон.
Франсиско Гойя

Важнейшее место в жизни женщины занимало материнство. Уровень рождаемости и степень участия матери в воспитании детей у различных слоев существенно отличались. У аристократок и богатых горожанок детей рождалось больше, и среди них больше выживало. Впрочем, большее количество детей у аристократии и богатых горожан, может быть объяснено также тем, что эти слои значительно чаще регистрировали их. Большинство женщин высшего сословия вели не только домашнее хозяйство, но и занимались управлением поместьями мужа в его отсутствие — когда он был в крестовом походе или на войне. Хозяйке дома также приходилось воспитывать не только своих детей, но и девочек, присланных сюда из богатых домов. Они должны были вести себя скромно, много не говорить, быть вежливыми и застенчивыми с мужчинами, не бегать и не прыгать.

Семья герцога Осуна, автор полотна Франсиско Гойя

Домашние обязанности крестьянки и небогатой горожанки отличались лишь тем, что, помимо управления хозяйством и воспитания детей, на них лежали все тяготы домашней работы, а часто еще и труд в поле или в ремесленном производстве. Поэт 14 века выступает в защиту женщины-простолюдинки: Женщина- достойное создание, Стирает, шьет, готовит И за детьми присмотрит, Но жизнь ее- лишь слезы и страданья...

*Джорджоне. «Гроза». 1505—06 гг.
Галерея Академии. Венеции*

У аристократок и богатых горожанок детей рождалось больше, и среди них больше выживало .

Можно назвать ряд причин высокой рождаемости в этих слоях.

Во-первых, девушек из богатых и знатных семей выдавали замуж в более раннем возрасте и потому их репродуктивный период длился дольше.

Во-вторых, они почти не кормили детей грудью, а отдавали их кормилицам и тем самым увеличивали возможность наступления новой беременности.

Женщины же из бедных семей не только вскармливали своих детей, но часто после этого становились кормилицами отпрысков знатных фамилий.

На севере Франции в среде знати в XII веке в среднем выживало от 5 до 7 детей, в Лозанне — 6 - 7, в Англии — 4 - 6. Но это лишь выжившие дети, рождений же было больше.

Эта фантастическая рождаемость соседствует с не менее высокой детской смертностью. Данные по другому итальянскому городу, Пистойе, свидетельствуют о том, что в нем в 1427 году среднее число детей в зажиточной городской семье равнялось 2,26, бедной — лишь 0,86. В сельской округе Пистойи картина похожа: в богатой сельской семье — 3,21, а в бедной — 1,47 ребенка. Такая разница получилась за счет большой детской смертности в результате болезней, эпидемий, а иногда и просто недосмотра. В плохие, неблагополучные годы погибало до половины детей. По данным Р. Трекслера, в середине XV века в благополучные годы (1445—1447) детская смертность составляла 26,6 %, а в неблагополучные (1447—1451) — до 50,7 %, причем в структуре ее преобладала смертность детей самого младшего возраста. Д. Херлихи считает, что 64 % всей детской смертности приходилось на детей до года, 17,7 % — от 1 до 4 лет, 10 % — от 5 до 9 лет, 8,3 % — от 10 до 14 лет..

Кстати, поскольку крестьянки отдавали детей кормилицам значительно реже, чем представительницы высших слоев общества, то не удивительно, что детская смертность различалась по сословиям: хотя у знати были лучшие условия для заботы о детях, то, что она лишала ребенка своего внимания, во многом объясняет более высокую детскую смертность в этой среде.

Итальянский гуманист, Л.Б. Альберти, обращаясь к горожанкам, также настаивал на необходимости грудного вскармливания. За страстным призывом к матерям самим кормить своих детей стояла забота о нравственном и физическом здоровье детей, о взаимной любви матери и ребенка.